

DOI 10.15826/qr.2017.2.234

УДК 929Екатерина(470)*2+821.161.1-94

«ГАЛАНТНЫЙ ДИАЛОГ» С САМОЙ СОБОЙ В МЕМУАРАХ ЕКАТЕРИНЫ II*

Татьяна Акимова

Мордовский государственный университет,
Саранск, Россия

‘GALLANT DIALOGUE’ IN CATHERINE’S II MEMOIRS

Tatiana Akimova

Mordovia State University,
Saransk, Russia

This article analyses ‘gallant dialogue’ in the memoirs of Catherine II as a special narrative strategy employed by the empress to represent herself as an enlightened monarch and make an impact on the reader. In the French literature and art of the 17th and 18th centuries, the notion of ‘gallant dialogue’ was developed by scholars like A. Viala, D. Denis, and C. Cazanave. It was not only understood as a special type of aesthetics, poetics, or stylistics, but also as a means to construct images of the writer and reader. Due to the fact that Catherine II’s memoirs are different from all her other works (as she was writing them for herself), it is mostly herself that she addresses in the ‘gallant dialogue’. Consequently, the memoirs’ narrative acquires a dual character, having features of both the theatrical and novel chronotope. The theatrical chronotope is characterised by a three-part vertical arrangement of the images in the narrative. The reason for such a hierarchy is the norms of gallantry and ethics of behaviour at the court, the so-called ‘science of love’. In its turn, the novel chronotope is represented by a gradual personal development of the heroine as she learns how to live

* *Citation:* Akimova, T. (2017). ‘Gallant Dialogue’ in Catherine’s II Memoirs. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 425–435. DOI 10.15826/qr.2017.2.234.

Цитирование: Akimova T. ‘Gallant Dialogue’ in Catherine’s II Memoirs // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 425–435. DOI 10.15826/qr.2017.2.234 / Akimova T. «Галантный диалог» с самой собой в мемуарах Екатерины II // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 425–435. DOI 10.15826/qr.2017.2.234

peacefully with her palace family and laugh merrily at the absurdities of life and rise above them.

Keywords: Catherine II; memoirs; gallant dialogue; author's strategy.

Дан анализ мемуаров Екатерины II и «галантного диалога» как авторской стратегии императрицы, провозглашающей себя просвещенной государыней и выбирающей для этого особые способы воздействия на читателей. Под «галантным диалогом» во французской литературе и французском искусстве преимущественно XVII–XVIII вв., разрабатываемым французскими исследователями категории галантности (А. Виала, Д. Дени, К. Казанав), понимается не только особый тип эстетики, поэтики или стилистики писателя, но способ конструирования образов автора и читателя и авторская стратегия реализации просветительской доктрины Екатерины II. Поскольку мемуары Екатерины II отличаются от остальных ее произведений тем, что писались для себя, то и «галантный диалог» автор ведет прежде всего с самим собой. Следствием этого становится двойственное повествование мемуаров, в которых одновременно воссоздаются театральный и романский хронотоп. Театральный хронотоп выражается в трехчастном вертикальном расположении образов повествования – великой княгини Екатерины Алексеевны, императрицы Елизаветы Петровны, великого князя Петра Федоровича, в смеховых приемах их изображения, в моральном выводе, присущем жанру драматической пословицы, в смене масок героем-повествователем. Причиной подобного расположения персонажей становятся галантная норма и правила поведения при дворе, ею создаваемые, – так называемая «наука любви». Романский хронотоп представлен поэтапным личностным становлением героини, обучающейся через общение со своим окружением мирно жить в семье-дворце; умением через жизнерадостный смех возвышаться над нелепостями жизни; остраненным и незаинтересованным рассказом о важных жизненных обстоятельствах, таких как рождение наследника престола и путь к власти; акцентированием внимания на личных взаимоотношениях как наиболее ценных в галантном повествовании; стремлением героини к счастью, заключающемуся в любви близких.

Ключевые слова: Екатерина II; мемуары; «галантный диалог»; авторская стратегия.

Мемуары Екатерины II остаются среди литературоведов по-прежнему самым дискуссионным произведением российской государыни [Вачева, 2008; Гречаная]. Став объектом пристального внимания ученых в связи с общим интересом к автобиографической и мемуарной литературе [Вьолле, Гречаная], они не получали однозначной оценки вследствие разности подходов к мемуарному наследию императрицы: гендерного [Савкина], мифопоэтического [Приказчикова],

сравнительно-исторического [Гречаная], а также продолжающихся споров по поводу целей и задач создания автором данного произведения [Фатеева; Крючкова; Иванов].

Обращение к понятию «галантный диалог», позволяющее проанализировать мемуары Екатерины в контексте культурно-исторического метода и коммуникативного подхода, раскрывает важный аспект понимания сути сочинения Екатерины II.

Понятие «галантный диалог» разработано зарубежными исследователями, изучающими категорию галантности во французской литературе и культуре [Viala; Denis; Cazanave].

По мнению Д. Дени, манера галантного автора складывается из таких стилистических компонентов, как игривость, сладостность, услужливость, легкость. При этом авторская литературная игра строится на двух началах – эстетике сдержанности и риторике оболыщения.

В стилистике мемуаров Екатерины II заметны оба эти качества, представленные искренностью автора, живостью его слога и в то же время постоянным ощущением умалчивания чего-то важного и интересного. Повествование, строящееся на недосказанности и недомолвках, – вот итог читательского восприятия мемуаров галантной императрицы, понимающей важность социальной функции писательства. На социальную функцию галантности указывает значительный

Кз страниц. 1.

1/

Memoires commences le 21.
d'Avril 1771.

Je suis née le 21. Avril 1729. à Pétersbourg
à 12 heures.
Ma mère me donna le jour à 12 heures.
en son palais, on me dit que
comme je l'on voulait un fils on me
fit que je fusse une fille. La grande
mère apprit, mon grand-père dit
maigre plus de contentement que
ceux qui l'ont eue. Ma mère
pensa mourir on me mettait au
morte et on me baptisa après.
On me donna pour nom une
femme d'un fort bon sens qui
n'avait que 17 ans. Elle me donna
un nom de baptême. On me mit entre
les mains d'une Dame qui
estoit venue d'un fort bon lieu.
dont le surnom étoit le bon.
D'une de ce fort bon sens & ma
mère. On me dit que cette dame
avait le si mal de se rendre avec
moi, quelle me rendit trois cents
francs. Et comme elle étoit si bonne que
et quelle avoit de très bonnes
étiquettes elle fit si bien
que je ne fusse jamais ce qu'on
voudroit à moi, qui on me
fit d'et au moins trois fois
et cela avec un très bon fort.
Et l'âge de deux ans on me
mit entre les mains d'une
femme de si bon sens & si
bonne d'ailleurs qu'elle étoit
d'un sang très ennobli & de

+ Elle s'y prit mal avec ma
mère parce que elle la
renvoya bientôt après.

Первый лист рукописи «Записок» Екатерины II, начатых 21 апреля 1771 г. (в первой редакции). Фрагмент [Записки императрицы Екатерины Второй]

The first page of Catherine II's *Notes* started on April 21, 1771 (first edition). Fragment [Notes of Empress Catherine II]

исследователь этой категории во французском искусстве и литературе А. Виала, который подчеркивает, что ею обозначается идеал порядочного человека, то есть одновременно и человека чести, и человека, приятного в общении. Эта же двойственность галантности реализуется в произведении на жанровом уровне: галантный жанр не укладывается в классицистическую эстетику по причине смешения разных жанров, в том числе внимания писателей к роману, в котором возникает новый способ изображения нормы галантного поведения и галантного общения¹. Продолжая эти исследования, К. Казанав выделяет «галантный диалог» как особую модель диалога, отличающуюся от догматического и сатирического диалогов тем, что вбирает в себя элементы и первого, и второго, объединяя назидательность и жизнерадостность. Образцовым произведением в этом отношении предстают «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля. Книга впервые появляется в русской литературе в переводе А. Кантемира в 1730 г., публикуется в 1740 г., а получает широкую известность только в эпоху Екатерины II, когда прозвучавший в ней мотив любования просвещенными читательницами обретает дополнительные смыслы в период правления императрицы, позиционировавшей себя просвещенной государыней².

Следует отметить, что «галантный диалог» под пером венценосной писательницы претерпевает изменения, измеряясь масштабом государственных задач правительницы-просветительницы. Она имеет дело не только с дружеским кругом читателей, которому, как правило, авторы адресовали свои галантные послания. Ее читатели – все образованное российское общество, которое к тому времени было представлено преимущественно дворянским слоем, а также будущие читатели, только встающие на путь просвещения. Поэтому «галантный диалог» в нашем понимании – и способ конструирования образов автора и читателя в создании художественного целого произведения, и модель екатерининского просвещения, адресованного дворянскому сословию.

Преобразования, которые занимали мысли российской государыни так же, как и французского автора «Разговоров» о гелиоцентрической картине мира, касались прежде всего мировоззрения читателей, однако векторы устремлений писателей были направлены на раз-

¹ «В последнем томе романа “Артамен, или Великий Кир” Мадлен де Скюдери» дается определение галантной атмосфере, которая «состоит преимущественно в том, чтобы размышлять о вещах деликатно, легко и естественно, склоняться скорее к милоту и забавному, чем к серьезному и грубому» [Пахарьян, с. 317].

² Несмотря на то, что книга была запрещена Синодом в 1756 г., «обращение Синода осталось, вероятно, без последствий, поскольку весь тираж к тому времени уже разошелся» [Разумовская, с. 233]. Более того, в 1781 г. переводы из Фонтенеля помещаются в сборник «Разкащик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечего», задав тем самым определенный тон в восприятии светских произведений Фонтенеля. Эта книга значится в реестре дорожной библиотеки Екатерины II, которую она завещала своему сыну и внукам [Императрица Екатерина II, с. 84].

ные пространства: научно-космические в произведении Фонтенеля (в переводе А. Кантемира) и внутрисемейные, бытовые (имплицитно нравственно-этические) в случае Екатерины II. В то же время переустройство быта в творчестве императрицы не исключало пересоздание бытия, и на этом постулате строилось все ее «галантное просветительство», основанное на легком и непринужденном поучении высокородных господ.

Жанровая природа мемуаров отличается от облеченного в галантную рамку разговоров между мужчиной и женщиной философского трактата французского просветителя. Неизвестно, с каким галантным кавалером вела беседу Екатерина II, приступая несколько раз к написанию автобиографических записок (по всей видимости, их имена могли меняться в разные моменты ее жизни). В конечном итоге «галантный диалог» оборачивался для венценосной писательницы диалогом с самой собой. Особый шарм диалогу придает нераздельность ее самоироничного писательского образа «галантной дамы» с образом государыни. Двойственность авторской позиции Екатерины раскрывается через наложение друг на друга театрального и романного хронотопов³.

Театральный хронотоп в мемуарном повествовании императрицы способствует фокусированию читательского внимания на главной героине, которой отводится центральное место на сцене с дворцовыми декорациями, по классицистическому образцу устроенными иерархично. Здесь есть низовой мир, в котором существует антигерой – тот, кто не смог в силу своего непонимания мирового устройства и своего места в нем стать героем. И есть мир высшего существования, так называемый Абсолют, с позиции которого получают оценку все действующие в произведении персонажи. Средний мир – мир светских отношений во дворце, он становится образцом галантного поведения для российских придворных.

Основным приемом театрализации мемуарного повествования Екатерины II становится создание резкого контраста между непросвещенными правителями, не ставшими образцами для своего окружения, и галантной героиней, сумевшей завоевать всеобщую любовь. Опираясь на «Параллельные жизнеописания» Плутарха и произведения о властителях Вольтера («Людовик XIV»; «Людовик XV»; «Карл XII»; «Петр I»), она тем самым утверждала норму галантного поведения галантным же способом – указанием на античный образец, переданный через вкус современного французского автора.

Поскольку в любом жизнеописании важна «родительская» тема, то и здесь Екатерина II пользуется типичными театральными приемами. Мизансцена разговора матери великой княгини с Петром Федоровичем также направлена на демонстрацию снижения действующими лицами галантной нормы: «Матушка говорила, что

³ Подобная двойственность – следствие галантного способа изображения [Павлова, с. 40-46].

он нарочно уронил ее шкатулку; он отвечал, что она говорит неправду, и оба они ссылались на меня и требовали моего подтверждения» [Императрица Екатерина II, с. 13]. Их ссоры из-за пустяков указывают на обоюдную личностную мелочность, что призвано усиливать выдержанный, сильный характер главной героини и ее умение скреплять семью, получающую в галантном повествовании императрицы смысл искомой модели просвещенного государственного устройства.

Следующей особенностью галантного повествования мемуаристики является появление в театральном хронотопе сатирических, а порой даже памфлетных способов высмеивания персонажа. В шутовском облике предстает здесь великий князь Петр Федорович. Низовое, балаганное пространство его существования описывается через такие черты, как игра в солдатики или куклы, пьянство, несамостоятельность в принятии решений, плохое знание русского языка. Сравнение великого князя с балаганным Петрушкой уничтожило важнейшее для просветителей свойство личности – разумность: «Он устроил у себя в комнате кукольный театр, на который приглашал гостей и даже дам. Эти представления были величайшей глупостью» [Там же, с. 38].

И далее Екатерина лишь наращивала сатирическое изображение Петра Федоровича:

В это время, и долго после, главною городскою забавою В. Князя было чрезвычайное множество маленьких куколок или солдатиков, деревянных, свинцовых, восковых и из труту. Он расставлял их на узеньких столах, которыми загромождал целую комнату, так что между столами едва можно было пройти. Вдоль столов прибиты были узкие медные решетки, а к ним привязаны шнуры, и если дернуть за шнурок, то медная решетка издавала звук, который, по его мнению, походил на беглый ружейный огонь. Он с чрезвычайной точностью, в каждый придворный праздник, заставлял войска свои стрелять ружейным огнем [Там же, с. 175].

Автор мемуаров не скупится на театральные приемы сатирического изображения выбранного Елизаветой наследника российского престола, намеренно делая его образ анекдотичным, карикатурным. В то же время важнейшим показателем героической несостоятельности великого князя оказывается отсутствие галантного чувства по отношению к придворным, ибо он «не любил никого из своих придворных, потому что они его тяготили» [Там же, с. 3].

Роль недалекой и подозрительной родственницы выпадает императрице Елизавете Петровне, чей духовный мир формируется слухами и досужими сплетнями придворных, предпочитавшей чтению книг рассказы сказительниц, не ценившей завоеваний медицины, жившей по старинке и боявшейся передовых научных достижений.

Елизавета Петровна в мемуарах становится олицетворением непрогрессивной России, поскольку лишает свободы и личной инициативы великого князя и великую княгиню, не замечает, что творится у нее перед носом, хотя устраивает за всеми слежку и лишает личного пространства наследника престола и его жену. В мемуарах Екатерины говорится: «Я и великий князь могли быть свободны только друг с другом; это было своего рода заточение, которого ни я, ни он не заслуживали» [Там же, с. 59].

Непоследовательные действия императрицы Елизаветы, кроме того, еще и грубы, ее монаршая милость зависит не от законов и доброго нрава, а от капризов и мимолетных желаний, которые, не ограничиваясь никакими нормами галантного поведения, доходят порой до тирании – самого бичуемого просветителями качества. В этом отношении образ Елизаветы Петровны сопоставим с высмеиваемыми в комедиях образами «матушек», чересчур любящих и тем губящих молодое поколение. Не случайно героиня вынуждена просить прощения за не совершенные ею поступки, подчеркивая воздействие извинительных слов на императрицу Елизавету: «„Виновата, матушка“, после чего она утихла» [Там же, с. 44]. Мотив покорности и смирения становится здесь маркером старой допетровской Руси, в которой положение молодой женщины в обществе было лишено, в понимании просветителей, личностной свободы.

Следует заметить, что из комедийного жанра в мемуары Екатерины II привносится прием формулировки морального вывода – поговорки, изрекаемой, как правило, героями-резонерами классицистических комедий после каждой поучительной сцены. Точно так же организует автор свое повествование в мемуарах, концентрируясь именно на галантных правилах поведения при дворе как наиболее подходящих для миролюбивого светского существования. Екатерина стремится продемонстрировать заботу героини об общем благе, компенсирuemую ответным чувством:

Больше, чем когда-либо, я старалась снискать расположение всех, вообще больших и малых. Никто не был забыт мною, и я поставила себе правилом думать, что я нуждаюсь во всех, и всячески приобретать общую любовь, в чем я и преуспела [Там же, с. 31].

И в то же время автор представляет на суд читателей образ мыслей великой княгини, выбравшей в качестве ориентира при дворе Елизаветы Петровны науку галантного обхождения:

... вот рассуждение или, вернее, заключение, которое я сделала, как только увидела, что твердо основалась в России, и которое я никогда не теряла из виду ни на минуту: 1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице; 3) нравиться народу [Там же, с. 58].

Наконец, театральный хронотоп обеспечивает постоянную смену масок героем-повествователем, выступающим то болезненной женщиной, то решительной героиней, то расчетливым политиком, то обычным наблюдателем или моралистом-ученым, пишущим кодекс светского поведения, то тонким дипломатом, не желающим обидеть никого из современников.

Каждый из фрагментов повествования Екатерины о своей жизни демонстрирует ступенчатое развитие романного хронотопа, обусловленное не хронологически организованным материалом, а логикой поступательного движения судьбы главной героини, которая познает окружающий ее мир и учится вместе с читателями его законам. Указание на романное развертывание повествования в мемуарах Екатерины II присутствует в работах болгарской исследовательницы А. Вачевой, которая акцентирует внимание на соединении классицистического и просветительского дискурсов в произведении императрицы⁴. В то же время сохраняется дневниковое раскрытие мыслей и чувств главной героини, которая предельно откровенна со своим читателем-другом, чей образ она также примеривает на себя [Вьолле, Гречаная].

Открытая для общения со всеми, кто попадает к ней на пути, героиня обучается на протяжении всего повествования искусству завоевания симпатий у своего окружения: от служанок до генералов и первых лиц двора. Например, Екатерина говорит о Владиславовой, подчеркивая ее любовь к анекдотам: «она была общительна, любила говорить, говорила и рассказывала умно, знала все анекдоты прошедшего и настоящего времени» [Императрица Екатерина II, с. 70], а также обращает внимание на генерала Репнина, ставшего крупной фигурой в екатерининскую эпоху: «Открытый нрав князя Репнина, который как военный человек чужд был всяких козней, внушал мне доверие» [Там же, с. 3]. Умение завязывать личные контакты и приближать к себе людей оказывается важным личностным талантом героини, раскрывающимся по мере развертывания мемуарного произведения. Высшим проявлением этого умения становится талант превращения врагов в друзей только благодаря выдержке, такту и хорошим манерам.

Не менее важной особенностью поведения галантной героини, которое также изображается автором в развитии, является умение смеяться над нелепостями жизни, лишь подчеркивающее манеру аристократического превосходства над всеми другими «низкими» персонажами дворцового мира. Автор обостряет такие качества ее личности, как жизнерадостность и веселость, раскрывающиеся в сложные моменты возникающих дворцовых перипетий.

Наиболее акцентированное галантное повествование обнаруживается в моментах острого незаинтересованного авторского повествования о важных страницах своей жизни – рождении наследника, возможности получения российской короны. Уведенное в подтекст изображаемых событий, это становится ключом к чтению

⁴ См.: [Вачева, 2001, с. 114-120; Вачева, 2005, с. 336-341; Вачева, 2010, с. 198-212].

мемуаров. В то же время мелочи жизни – личные привязанности, тонкости отношений с окружающими лицами – вдруг предстают максимально преувеличенными в намеренно суженном дворцовом мире героини, выполняют функцию сюжетных украшений, подчеркивающих авторское и читательское удовольствие об упоминаемых личностных контактах.

В итоге перед читателем является героиня, способная пересоздать личностное пространство, демонстрирующая пример героического личностного становления и развития вопреки обстоятельствам, окружению и возможностям, дающимся при рождении. И если мотивом, определяющим театральный хронотоп, становится стремление героини занять высшую социальную нишу – надеть корону, то мотивом, способствующим развитию романного хронотопа, предстает поиск героиней человеческого счастья («счастье не так слепо, как обыкновенно думают» [Там же, с. 1]), одинакового для всех и состоящего в любви близких. Именно этот аспект обеспечивает развертывание галантного сюжета, обусловленного авторской стратегией подробного упоминания обо всех сердечных привязанностях героини.

Таким образом, «галантный диалог» с самой собой выражается в мемуарах Екатерины II в двойственной позиции автора⁵, которая представляется в одновременном смещении двух хронотопов – театрального, классицистического и романного, просветительского. Героиня мемуаров – одновременно и обычная аристократка, попавшая в императорский дворец по счастливой случайности, и будущая российская императрица, которая формирует правила поведения для своих придворных, просвещая их. В первом случае героиня проходит этапы становления, взросления и женского расцвета на глазах у читателей, во втором она высмеивает непросвещенных правителей – Елизавету Петровну и Петра III, остановившихся в своем личностном совершенствовании.

Список литературы

Вачева А. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна и «Записки» Екатерины II // Художественный перевод и сравнительное изучение культур : Памяти Ю. Д. Левина. СПб. : Наука, 2010. С. 198–212.

Вачева А. Классицистический дискурс в мемуарах Екатерины Второй // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Проблемы теоретической и исторической поэтики. Гродно : Гроднен. ун-т, 2001. С. 114–120.

Вачева А. Романские пространства в мемуарах Екатерины II // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Проблемы теоретической и исторической поэтики. Гродно : Гроднен. ун-т, 2005. С. 336–341.

Вачева А. Романът на императрицата : Романовият дискурс в автобиографичните записки на Екатерина II. Ракурси на четене през XIX век. София, Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. 364 с.

⁵ Екатерина II так же, как и Маргарита де Валуа, по словам французского исследователя Лорана Ангара, «становится первой женщиной – одновременно автором, рассказчицей и героиней своей книги и тем самым выполняет одно из условий автобиографического соглашения» [Лоран, с. 232–272].

Вьолле К., Гречаная Е. П. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции. М. : ИМЛИ РАН, 2006. С. 57–111.

Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М. : ИМЛИ РАН, 2010. 383 с.

Иванов О. А. Екатерина II и Петр III : История трагического конфликта. М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. 735 с.

Императрица Екатерина II : Записки императрицы Екатерины II [репринт. изд.]. М. : Наука, 1990. 288 с.

Императрица Екатерина II, Цесаревич Павел Петрович и Великая княгиня Мария Федоровна : Письма, заметки и выписки. 1782–1796. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1894. 214 с.

Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. М. : [Б. и.], 2009. 464 с.

Лоран А. Маргарита де Валуа и ее «Мемуары» // Маргарита де Валуа : Мемуары. Избранные письма. Документы. СПб. : Евразия, 2010. С. 232–272.

Павлова С. Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Работена // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. Т. 12. 2012. Вып. 4. С. 40–46.

Пахсарьян Н. Т. Галантность // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения. М. : Изд-во Кулагиной, 2010. 317 с.

Приказчикова Е. Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. 528 с.

Разумовская М. В. Фонтенель // Русско-европейские литературные связи. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 233–234.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем : Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : НЛЮ, 2007. 440 с.

Фатеева А. В. «Memoires» Екатерины II в контексте эпохи Просвещения (концепт «Философ на троне») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : МПГУ, 2007. 17 с.

Cazanave C. Le dialogue à l'âge classique. Étude de la littérature dialogique en France au XVIIe siècle. Paris : Champion, 2007. 632 p.

Denis D. Le Parnasse Galant : Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle. Paris : Honoré Champion, 2001. 400 p.

Viala A. La France galante. Paris : PUF, 2008. 540 p.

References

Cazanave, C. (2007). *Le dialogue à l'âge classique. Étude de la littérature dialogique en France au XVIIe siècle* [Dialogue in the Classical Age. A Study of Dialogic Literature in 17th Century France]. 632 p. Paris, Champion.

Denis, D. (2001). *Le Parnasse Galant. Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle* [The Parnasse Galant. The Establishment of a Literary Category in the 17th Century]. 400 p. Paris, Honoré Champion.

Fateeva, A. V. (2007). "Memoires" Ekaterinyi II v kontekste epohi Prosvescheniya (kontsept "Filosof na trone"), avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Catherine II's Memoires in the Context of the Age of Enlightenment (The 'Philosopher on the Throne' Concept), PhD Thesis Abstract]. 17 p. Moscow, MPGU.

Grechanaya, E. P. (2010). *Kogda Rossiya govorila po-frantsuzski: russkaya literatura na frantsuzskom yazyike (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [When Russia Spoke French: Russian Literature in French (18th – First Half of the 19th Century)]. 383 p. Moscow, IMLI RAN.

Imperatrice Ekaterina II, Cesarevich Pavel Petrovich i Velikaya knyaginya Mariya Fedorovna. Pis'ma, zametki i vypiski 1782–1796 [Empress Catherine II, Crown Prince Pavel Petrovich and Grand duchess Maria Fiodorovna. Letters, notes and extracts. 1782–1796]. (1894). 214 p. St Petersburg, Tipografija V. S. Balasheva.

Ekaterina II. Zapiski imperatritsyi Ekaterinyi II. Reprintnoe vosproizvedenie [Notes of Empress Catherine II. Reprint]. (1990). 288 p. Moscow, Nauka.

Ivanov, O. A. (2007). *Ekaterina II i Petr III. Istoriya tragicheskogo konflikta* [Catherine II and Peter III. The Story of the Tragic Conflict]. 735 p. Moscow, Tsentrpoligraf.

Kryuchkova, M. A. (2009). *Memuaryi Ekaterinyi II i ih vremya* [Catherine II's Memoirs and Their Times]. 464 p. Moscow, [S. n.].

Loran, A. (2010). Margarita de Valua i ee "Memuariy" [Margarita de Valois and Her *Memoirs*]. In *Margarita de Valua. Memuariy. Dokumenty*. St Petersburg, Izbrannyye pisma, Evraziya, pp. 232–272.

Pahsaryan, N. T. (2010). Galantnost [Gallantry]. In *Evropeyskaya poetika ot antichnosti do epohi Prosveshcheniya*. 317 p. Moscow, Izdatelstvo Kulaginoy.

Pavlova, S. Yu. (2012). Dve modeli galantnosti v "Memuarah" Byussi-Rabotena [Two Models of Gallantry in Bussy-Rabutin's *Memoirs*]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. Vol. 12, Iss. 4, pp. 40–46.

Prikazchikova, E. E. (2009). Kulturnyye mify v russkoy literature vtoroy poloviny XVIII–nachala XIX veka [Cultural Myths in the Russian Literature of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries]. 528 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo Ural. un-ta.

Razumovskaya, M. V. (2008). Fontenel' [Fontenel]. In *Russko-evropejskie literaturnyye svyazi*. St Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, pp. 233–234.

Savkina, I. (2007). Razgovory s zerkalom i zazerkaem : Avtodokumental'nyye zhenskyye tekstyy v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka [Talks with a Mirror and the World behind the Looking-glass: Auto-documentary Female Texts in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. 440 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Vacheva, A. (2001). Klassitsicheskyy diskurs v memuarah Ekateriny Vtoroy [Classical Discourse in Catherine II's *Memoirs*]. In *Vzaimodeystvie literatur v mirovom literaturnom protsesse. Problemy teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki*. Grodno, Izdatelstvo Grodnenskogo universiteta, pp. 114–120.

Vacheva, A. (2005). Romannyye prostranstva v memuarah Ekateriny II [Novel Spaces in Catherine II's *Memoirs*]. In *Vzaimodeystvie literatur v mirovom literaturnom protsesse. Problemy teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki*. Grodno, Izdatelstvo Grodnenskogo universiteta, pp. 336–341.

Vacheva, A. (2010). "Zhizn i mneniya Tristrama Shendi, dzhentlmena" L. Sterna i "Zapiski" Ekateriny II [The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman by L. Sterne and Catherine II's *Notes*]. In *Hudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye izucheniye kultur : Pamyati Yu. D. Levina*. St Petersburg, Nauka, pp. 198–212.

Vatcheva, A. (2002). Les Memoires de Catherine la Grande: entre feminine et masculine narratives. In S. van Dijk en M. van Strien-Charadonneau (Eds.). *Feminites et masculinites dans le texte narratif avant 1800. La question du 'gender'* Louvain/Paris, Peeters, pp. 73–86.

Vacheva, A. (2008). *Roman't na imperatritsata. Romanoviyat diskurs v avtobiografichnite zapiski na Ekaterina II. Rakursi na chetene prez XIX vek* [The Empress's novel. The Romanov Discourse in the Autobiographical Notes of Catherine II. Reading Councils in the 19th Century]. 364 p. Sofia, Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Ohridski".

Volle, K., Grechanaya, E. P. (2006). Dnevnik v Rossii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. kak avtobiograficheskaya praktika [The Diary in Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries as Autobiographical Practice]. In *Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii*. Moscow, IMLI RAN, pp. 57–111.

Viala, A. (2008). *La France galante*. 540 p. Paris, PUF.

The article was submitted on 17.05.2016